

Исследовательский университет VERSUS университет классический?¹

10 ноября 2014 г. состоялся телемост в форме круглого стола преподавателей, администрации, студентов, аспирантов и магистрантов Национального исследовательского Томского государственного университета (ТГУ), Томского университета систем управления и радиоэлектроники, других образовательных учреждений г. Томска и ведущих научных сотрудников Центра проблем развития образования Белорусского государственного университета (по скайпу).

Организация круглого стола, запись которого мы предлагаем читателям «ВШ», продиктована необходимостью самоидентификации, которая встала непосредственно перед классическими университетами, получившими исследовательский статус. Что учреждения высшего образования приобрели вместе с новым статусом, что и как принципиально меняется, каковы концептуальные основания различия и идентификации традиционной и современной моделей университетов - актуальные вопросы как для российских, так и для белорусских ученых.

А. О. Зоткин,

доцент факультета психологии ТГУ, эксперт сети Федеральных инновационных площадок
Министерства образования и науки Российской Федерации, кандидат философских наук, Томск

Анализ экспертных точек зрения позволяет зафиксировать следующие позиции:

1. «Исследовательский университет» возник в специфических условиях «протестантского духа» США. Поэтому в Европе и России, где история была иной, понятие «исследовательский» вызывает сомнения.
2. Классический университет - это и есть исследовательский. Его основатель - В. фон Гумбольдт - ставил акцент на производстве знаний, т. е. на исследованиях. Так в чем же новизна понятия «исследовательский университет» сегодня?
3. Исследовательский университет - совершенно новая модель университета. В ее идентификации используются не столько концептуальные, сколько экономические критерии: объем финансирования, материальная база для исследований, товарные характеристики научной продукции, возможность продажи результатов научного исследования, приоритет в подготовке кадров высшей категории (магистров, кандидатов и докторов наук) и т. п. Вопрос же о качественном различии исследовательской и классической моделей университетов остается открытым.

Наибольшее влияние на трансформацию как критериев, так и самой модели оказывают процессы глобализации. «Университет Гумбольдта» строился на двух опорах - Нация и Наука. Кто-то скажет, что до гумбольдтовской модели университет выходил за рамки национального государства, и в этом отношении, якобы, глобализация всегда являлась для университета внешним фоном. На это следует возразить: политическое и культурное единство средневековой Европы строилось не столько как процесс глобализации, сколько как процесс христианизации, как процесс влияния католической церкви. Глобализация, в отличие от христианизации, характеризуется не только толерантностью к многообразию, но и рассматривает многообразие как ресурс развития. Глобализация предполагает не мировоззренческое единство, а интеграцию процессов. Для университетов глобализация - это вхождение в «глобальное производство знаний». Роль общего (латинского) языка в христианизации - сакральная. Язык рассматривался средством общности с Богом, так как Бог и Слово едины. Распространение в современном мировом пространстве английского языка выполняет функцию межкультурной коммуникации. Таким образом, действительно, глобализация и ее влияние на новую модель университета - это то, что требует серьезного обсуждения.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ №14-13-70004 «Корпоративная культура классического университета: роль в формировании профессиональной и личностной идентичности выпускника».

Следующий серьезный момент для обсуждения исследовательской модели — изменение самого появления, создания, производства знаний. Можем ли мы сегодня рассматривать науку как единственно возможную и единственно объективную форму производства знания? В этом отношении важно рассматривать науку как социальный институт, его влияние на университет и его трансформацию.

В рамках моей исследовательской программы становится возможной и постановка вопроса о влиянии профессии на процессы трансформации университета. Т. Парсонс, рассматривая процессы профессионализации, указывал на ключевую роль университетов, связывая их развитие с развитием профессий. Следуя его логике, можно предположить, что на трансформацию университета, в том числе на становление его исследовательской модели, оказывает влияние трансформация процессов профессионализации, которая, в свою очередь, осуществляется под воздействием сетевых профессиональных сообществ.

Хочу еще раз обратить внимание на практический смысл вопроса идентификации исследовательского университета, состоящий в выборе стратегии управления. Сегодня существует несколько позиций по поводу управления в классическом университете, получившем статус исследовательского. Первая: ничего не менять, надо делать то же, только больше и лучше. Вторая: совершенствуем, но принципиально ничего не меняем. Третья: требуется новая модель управления, релевантная трансформациям классического университета, его преобразованиям в принципиально иной модельный тип — в исследовательский университет, что выглядит привлекательным на фоне международных образовательных трендов.

Г. И. Петрова,
профессор философского факультета ТГУ, доктор философских наук, Томск

Тема круглого стола вызывает интерес в силу ностальгического предчувствия исчезновения классического университета. Классический университет в неклассическое время обречается на «руины» (Б. Ридингс), и эта тема в той или иной форме является лейтмотивом в современных исследованиях. Можно предположить, что «руины», т. е. бесчисленные университетские формы, возникшие вокруг классического университета, создавая конфигурацию университетской множественности, на самом деле говорят не о развале университета, а готовят почву для возникновения его новой модели. Особый интерес вызывает модель, которая бережно относится к классическим критериям университета, сохраняет их, хотя и в новой форме. Национальный исследовательский университет — одна из этих моделей.

Сегодня стала очевидной недостаточность институциональной системы, базирующейся на идее классического университета, содержание которой было сформулировано В. фон Гумбольдтом. Классическая конструкция осуществлялась в рамках проекта Просвещения и была релевантна эпохе XIX в. Это была эпоха устойчивого социального развития, базирующегося на вере в непрерывный прогресс и совершенствование общественного устройства, в прогрессивное развитие культуры, науки, политических режимов. Вера питалась рационализмом научного типа, базировалась на это се научной истины и, как казалось, априори гуманистическом характере науки. Соответственно университет рассматривался местом культурного аристократизма, где главной была ценность элитарной культуры. Аристократизм и элитарность были направлены, по Гумбольдту, на укрепление национального суверенитета и «духа народа». Как Церковь Просвещения он выражал и формировал «народную духовность». Идея университета, т. е. его сущность и эмблема, — это научная истина, наука, которая тогда гарантировала духовный и социальный прогресс и на которую возлагались надежды как на культурную рациональную доминанту. В таком же просветительском и просвещающем направлении В. фон Гумбольдт видел и критерии университета — фундаментализацию и гуманитаризацию образования, автономию, свободу научного исследования, отрицание утилитаризма и прагматизма. Университет — красивая «башня из слоновой кости», где «в уединении» работают профессор и его студент. Такая картина действительно вызывает ностальгическое настроение.

Но современность несет другие перспективы. Университет вышел в мировое «пространство потоков» (М. Кастельс), в «текущую социальность» (З. Бауман), размывающую «национальный дух народа». Глобализация мирового пространства и его сетевая органи-

зация предлагают иные подходы к определению нации и национальной культуры. Университет погрузился в мир, который в качестве своего социального механизма больше не имеет традицию, она заменена инновацией.

Университет из Храма, сакрального, просвещающего и преображающего, превращается (факты об этом свидетельствуют) в рядовой институт мира повседневной борьбы за выживание, допускает прагматизм, утилитаризм и коммерциализацию образования. Это грозит потерей его классической специфики. Но, продолжая осуществлять привычные действия, университет может выпасть из социальной и культурной ситуации. Таково трагическое для университета противоречие, решить которое ему предстоит.

Решает ли его исследовательский университет, который, как кажется, среди прочих современных моделей университета наиболее близок университету классическому? Какого рода изменения необходимы, чтобы это решение было успешным? В первую очередь и прежде всего будем считать, что исследовательский университет создан для того, чтобы, не отказываясь от Идеи и критериев классического университета, бережно наследуя (иначе уйдет университетская сущность и специфика, то «университетово», что делает университет университетом) и трансформируя их, принять на себя миссию опережения социального развития. Он обязан не адаптироваться под общество, но, трансформируясь, показать его будущее, «грезить» (М. Маяцкий) о нем и выработать возможные пути к нему. Но теперь эта греза не может безоговорочно базироваться на энциклопедическом усвоении знания, на вере, что наука, являясь рациональной, всегда гуманистична. Университетская греза вырабатывает новые формы фундаментальности и рациональности науки, предлагает использовать их в социальных проектах. В этом и заключается миссия исследовательского университета как наследника университета классического. Университет проектирует будущее, учит умению ориентироваться в мире плюрализма культур и «играющей» истины, которые заставляют человека «не застревать» на месте, а постоянно конструировать себя как нового.

i

Г. В. Майер,

президент ТГУ, доктор физико-математических наук профессор, Томск

Говоря о классическом университете, следует иметь в виду необходимые и достаточные основания для определения его специфики. Главным условием является наличие гуманитарных факультетов, которые в ходе истории то уходили, то вновь приходили, но всегда отличали университет от других вузов.

Достаточность же понятию «университет» придает, во-первых, его особое отношение к вопросам культуры. Миссия университета - быть центром культурной жизни страны или ее отдельного региона. Во-вторых, интеграция науки и образования, т. е. включение процесса образования в деятельность научных коллективов. Интеграция образования и науки способствует не только научному росту, но и формированию духовных качеств личности.

Современный классический университет ориентирован на новые, соответствующие современному профессиональному и культурному миру личностные и социальные характеристики. Безусловно, он не может не воспринимать специфику развития современного мира, которая состоит в его инновационной мобильности, не допускающей традиционную «уединенность» исследовательской работы профессора и студента. Университет сегодня - это один из основных институтов инноваций, требующий совершенствования деятельности в сферах образования, науки, культуры, управления. Его инновационная система — «интерфейс», обеспечивающий прямые и обратные связи между возможностями университета и запросами человека - экономическими, экологическими, социальными. Терминология и суть инноваций опираются на современный характер нелинейного накопления практических знаний и незамедлительного их использования в бытии индивида и общества. Поэтому сегодня нет единого понятия университета и единой модели его развития. Есть модели инновационного, предпринимательского, корпоративного университета, университета-технополиса, профессионального университета и др., при этом все они учитывают инновационную университетскую деятельность.

Наш университет, оставаясь, как мне кажется, классическим по своей сути, нуждается в дополнительных «прикладных» образовательных программах (совместных, межвузовских, международных и др.), образовательных инновациях (например, сетевых дистанци-

онных технологиях), в расширении масштабов инновационно-технологической деятельности (например, создание новых малых предприятий или привлечение аутсорсинговых структур при реализации технологических проектов), в развитии новых идей при реализации социальных инноваций, и, конечно, ему необходима существенная модернизация системы управления, которая должна быть ориентирована на другие масштабы финансовой деятельности.

*А. А. Полонников,
заместитель начальника Центра проблем развития образования БГУ,
кандидат психологических наук, доцент, Минск*

Я бы хотел присоединиться к обсуждению вопроса о миссии университета, дополнив ее еще одной проекцией - управленческой. Для управленца определение миссии соотнобразуется с ее практическим значением. Использую некоторые положения теории П. Бурдьё, связывавшего управленческое действие с распоряжением несколькими видами капитала: экономическим, культурным, социальным и символическим. Акцент будет сделан на символическом капитале как основе символической власти, реализующей, по П. Бурдьё, влияние и создающей смысловой универсум при помощи слов.

С точки зрения управленца, словоформа «миссия» нужна прежде всего для того, чтобы обеспечить символическую интеграцию и эффективное взаимодействие университетского сообщества. Без «миссии» университет распадается на структурные единицы, не образует системы. Для обозначения факторов символической общности П. Бурдьё изобрел специальные слова: «*illusio*» (то, ради чего осуществляются кооперация и действие) и «*nomos*» (правила, разделяемые сообществом). Миссия — это то, что надиндивидуально и является формой связи конкретных людей в конкретном месте, укореняет их в ситуации. Укоренение рассматривается в качестве еще одной «вещи», продуцируемой миссией. Миссия университета, в отличие от миссий других социальных структур и групп, как верно заметил Г. В. Майер, находит свою спецификацию прежде всего в описании образовательной деятельности.

Описание миссии исследовательского университета видится мне состоящим из трех блоков, каждый из которых «удерживает» ту или иную направленность управленческих усилий - миссия как трансгрессия, миссия как реакция и миссия как гуманитарная задача - и образует автономный символический универсум.

Первый блок - профетический. Он соответствует тому, что философы М. Маяцкий, Г. И. Петрова, А. О. Зоткин метафорично называют «грезой о будущем» и что является вкладом университета в духовное производство, опережающее самосознание социума. «Греза», являясь утопией, обеспечивает символическую конвергенцию университета, фиксируя его высшие смыслы и ценности. Ее вектор указывает направление университетского развития, обеспечивает его устойчивость в изменчивых и качественно неоднородных условиях современного мира.

Второй блок миссии позиционирует университет как институт, отвечающий на вызовы общества. Обращение к «вызову» - форма социального действия, фиксирующая жизненную сензитивность университета, способность «схватывать» актуальные государственные, общественные и индивидуальные запросы времени. В содержание этого блока могут включаться задачи модернизации образования, призванной адаптировать университет к динамическим социально-политическим реалиям.

Третий блок связан с артикуляцией гуманитарной задачи и образует, как мне представляется, самую сложную область разработки миссии исследовательского университета. Контуры ее постановки могут быть заимствованы в размышлениях М. Фуко об исторической генеалогии субъекта, а также в разработках американского философа образования Г. Жиру.

Известно, что гуманитарная задача классического университета строилась на фундаментальной предпосылке - принципиальной возможности и необходимости автономии субъекта, которая коррелировала с университетской автономией. Современная жизненная ситуация, обусловленная информационно-компьютерными обстоятельствами и «икономическим поворотом» в культуре, проблематизирует саму возможность индивидуальной автономии. Г. Жиру противопоставляет идее автономии идею либерализации субъекта.

обнаруживающего себя как продукт символических практик, эффектов коммуникации и качественно разнородных образовательных политик. Гуманитарная миссия университета в этом случае состоит в ревизии и трансформации «практик себя», рожденных классической эпохой, а также в поиске новых форм разотождествления/отождествления индивида с самим собой.

С. Н. Зыкова,

заместитель директора МАОУ «Лицей № 1 имени А. С. Пушкина», кандидат философских наук, Томск

В проблеме, поставленной на обсуждение, меня беспокоит вопрос массовизации исследовательского университета, что, кажется, противоречит самому понятию «исследование». Если любой человек сегодня может поступить в исследовательский университет, то, по логике рассуждения, любой может и должен стать исследователем. Но действительно ли это так? Классический университет представлял и представляет элитарную модель образования, которая призвана воспроизводить элиту, т. е. людей, которые могут занимать лидирующие позиции в обществе. Примерно в середине XX в. элитарная модель высшего образования столкнулась с критикой, поскольку не отвечала новым запросам экономики и демократизации общества. Массовое высшее образование ориентировано не только на воспроизводство элиты, но и на гораздо более широкий спектр позиций в обществе - на подготовку «белых воротничков», технически подготовленных специалистов.

Так выступает ли массовость тем параметром, который позволяет различить университет классический и университет исследовательский?

Открытие университета широкой аудитории привносит свои проблемы: ставит под вопрос сохранение элитарности, высокого уровня качества, гуманитарную составляющую образования, которая обеспечивала критическую позицию в обществе, и то, каким образом исследовательский университет будет «справляться» с массовостью. Возможно, ответ на этот вопрос заключен именно в характеристике «исследовательский». Сегодня возрастает спрос на исследовательский тип мышления, на экспертизу в области управления информацией. Поэтому тип обучения, в основе которого заложено исследование, не только не устаревает в связи с массовостью университета, но, напротив, переживает новый подъем. В миссии исследовательского университета ставится акцент на том, чтобы студент готовился как самостоятельный исследователь (в отличие от «Университета Гумбольдта», где роль исследователя все-таки отводилась преподавателю).

Е. Н. Савельева,

доцент Института искусств и культуры ТГУ, кандидат философских наук, Томск

Хотела бы поддержать вопрос относительно гуманитарной составляющей миссии университета. Именно гуманитаризация университетского образования сегодня ставится под вопрос в связи с активным вниманием к его прагматизации и коммерциализации. Конечно, университет не может оставаться в стороне от вызовов времени. Но противоречия социокультурной реальности XXI века требуют анализа и выработки механизмов минимизации рисков.

Университет как та самая «греза» о будущем может способствовать их решению не только через сохранение главного ресурса классического образования, осуществляющего фундаментальные научные исследования, но и благодаря собственной гуманитарной спецификации - ориентации на духовные ценности. Среди насущных проблем, решение которых требует участия специалистов в области гуманитарного знания, можно отметить, например, кризис межкультурных коммуникаций и кризис идентичности. Напряженным примером первого являются многочисленные локальные и глобальные конфликты, нарастающая напряженность в межэтнических и межконфессиональных отношениях. Внутренний раскол, несогласованность компонентов идентичности (на индивидуальном и коллективном уровнях) крайне негативно влияют на успешность коммуникаций, провоцируя контркоммуникативные тенденции.

Безусловно, именно гуманитарное знание исполняет роль теоретико-методологического базиса в исследовании данных процессов, осуществляя процедуру их идентификации и культурологической оценки. Однако есть ли в стране да и в мире в целом эффективная форма институализации культурологической экспертизы, которая бы позволяла переводить результаты ее оценки в законодательно-правовое поле? Именно университет мог бы

явить собой такое экспертное сообщество, которое бы взяло на себя решение проблем и задач гуманитарной, экологической, научной экспертизы социальных последствий практического использования современных открытий науки.

М. А. Гусаковский,

*научный сотрудник Центра проблем развития образования БГУ,
кандидат философских наук, доцент, Минск*

Выскажу несколько тезисов относительно темы круглого стола:

1. Одна из основных функций, которая принадлежит университету со времени его появления, - функция рационализации. В XII веке университет прилагал усилия к тому, чтобы на основе нового языка, вырабатываемого складывающейся университетской наукой, собрать всю сумму знаний и создать как можно более полное описание универсума.

2. Университетская «сумма знания» очень скоро приняла вид «силы порядка» (ЛеГофф); инстанция христианизированного человеческого разума обретает роль верховного судьи всех действий и возможных проступков людей. Усилиями Аквината мораль из сферы психологических переживаний переводится в перспективу построения логических суждений, так как «критерием» для основных этических предпосылок полагалось не то, что они интуитивно очевидны, но то, что они необходимо истинны.

3. В Новое время университет начал обретать новые формы и претендовать на звание классического. Это был и «Наполеоновский университет» во Франции, и «Университет Гумбольдта» в Германии, и «Университет Ньюмана» в Великобритании. По модели немецкого университета формировался университет в России.

4. Дискуссии на тему «Возможен ли классический университет в России?» возникли в середине XIX века. Идея соединить в университете преподавание основ наук и исследование впервые была высказана В. фон Гумбольдтом и заключалась в попытке поменять интеллектуальную ориентацию университета - с античных образцов на образцы науки Нового времени. Основной целью деятельности разума объявлялся совместный «поиск истины». Так, вместе с изменением исторических обстоятельств менялись и образцы «учености», «образованности», а вместе с ними и нормы «классичности».

5. Сегодня университет обнаруживает себя в ситуации очередного кризиса идентичности. Это, помимо прочего, предполагает смену нормативных образцов и «правил игры». Попытка предложить возможный концептуальный подход, направленный на обсуждение указанного кризиса, содержится в идее, разрабатываемой В. С. Степиным, о трех типах рациональности. Все типы рациональности - классическая, неклассическая и постнеклассическая - присутствуют в современной научной (и шире - исследовательской) культуре. Эта типология может быть применима к разработке концепции современного университета. Ориентация на тот или иной тип рациональности актуализирует тот или иной тип исследовательской деятельности, который необходимо культивировать в современном исследовательском университете.

С. Л. Шагин,

*заместитель декана по учебной работе философского факультета ТГУ,
кандидат философских наук, доцент, Томск*

Задача сравнительного анализа классического и исследовательского университетов актуальна и имеет значение особенно для тех, кто сегодня стремится найти свое место в мировом научно-образовательном сообществе. Но вызывает сомнение ограничение анализа хронологическими рамками трансформирующейся современности. Университеты Средневековья и начала Нового времени уже следовало бы называть классическими. Начатая же В. фон Гумбольдтом реформа университетского образования в Германии была не только средством социального проектирования (способом «грезить» о будущем), но и средством социальной адаптации университетов к условиям становления индустриальной цивилизации. Адаптация выражается не только в проявлении новых качеств, но и в редукции не востребованных в обновленных условиях. Так, стандартизация программ, соединение образования с исследованием отразили и ответ университетов на запросы экономической и политической конъюнктуры, и секуляризацию образования. Зависимость от светской власти вела к переосмыслению академической свободы, ее превращению из юридической в профессионально-этическую ценность. Подчеркну-

тая ориентация университетов на формирование национальной элиты, на освоение национальной культуры означала не только реакцию на вызов романтизма, но и отход от той международной культуры «кочующих» профессоров и школяров, которую поддерживала сеть латинизированных университетов Европы.

Изложенный контекст позволяет адекватно описать и оценить современный этап эволюции университетов. Поскольку в средневековой Руси университетов не было, процесс их создания в Российской империи практически с самого начала пошел без учета доклассической традиции. Поэтому в России сложилась не классическая, а служилая модель университета, автором которой может считаться министр народного просвещения времен Николая I граф С. С. Уваров. Преподаватель в рамках этой модели - не свободный ученый, а служащий государства, который подчиняется министерству и вышестоящему вузовскому начальству. К студенту здесь тоже относятся не как к заказчику образовательных услуг, а как к служащему, находящемуся в подчинении у преподавателя и его начальников. Несмотря на официальное признание западных стандартов образования и включение России в Болонский процесс, эта модель сохраняется в нашей стране до настоящего времени.

Ю. С. Осаченко,

доцент философского факультета ТГУ, кандидат философских наук, Томск

Хочу поддержать коллег, высказавших мысль о том, что сама дилемма классического и исследовательского университетов представляется не совсем корректной, поскольку исторически классическая модель университета всегда предполагала интеграцию обучения и исследования, наличие академических свобод и формирование того пространства, где может органично развиваться «универсальный разум». В современных условиях разум может пониматься в двух измерениях - и как коллективный топос интегративной университетской коммуникации (коммуникативная рациональность в духе Ю. Хабермаса), и как открытый динамический процесс выстраивания индивидуальной образовательной траектории (в духе экзистенциальной установки на полноту самоосуществления и построения образа персональной идентичности, личностного роста и т. д.).

Постклассический университет - это университет в эпоху массового человека, информатизации и виртуализации социокультурного ландшафта, глобализации, технологического и технократического диктата, переориентации целей развития науки и образования на прагматистские контексты и все более явственной тенденции превращения университета в бюрократическую (транснациональную) корпорацию. Говорить в таких условиях об исследовательском университете - либо анахронизм, либо профанация идеи исследования, либо постановка проблемы разработки принципиально новой модели исследования, которая бы позволяла, сохраняя ориентации на академические параметры классического университета, пользоваться новыми возможностями и наследовать подлинную исследовательскую интенцию классического университета - рефлексивность, свободу, личностную доминанту. К сожалению, сегодня понятие «исследовательский» ассоциируется с возможностью введения в университет коммерческого начала, легитимирующего продажу продукта научных исследований. Это может быть опасно для университета потерей фундаментальности содержания образования как его традиционной и культурно-исторической специфики.

Д. Ю. Король,

научный сотрудник Центра проблем развития образования БГУ, Минск

Значимая часть усилий исследователей судьбы современного университета связана с аналитической разработкой и «выращиванием» его образа в напряженном климате современности. Можно предположить взаимодействие двух линий усилия. Первая - рационализация представлений, целью которых должно стать появление конвенционального механизма отбора, т. е. отделения ложных претендентов на имя и идею университета от подлинных. Так, означал ли постсоветский период - время тотального «конвертирования» образовательных институтов в университеты, когда практически все высшее образование стало университетским, - «выращивание» университетской подлинности? Затем - трансформация университетов в исследовательские или предпринимательские, профессиональные и пр., что вновь предполагает реструктуризацию картины университетского мира, деление и отбор в образовательном поле.

Одним из ключевых инструментов в различении подлинности оказывается идея университета. Под ее «управлением» осуществляется отделение ложного от истинного, конь-

юнктурного от стратегического. Это влечет за собой очаги напряженности и создает систему разрывов между университетским прошлым, настоящим и будущим. Вторая линия усилий связана с обнаружением переживания, связанного с тем, что идея университета в актуальном настоящем не устанавливается. Она, безусловно, существует, но в «нестабильной» форме. На ее тревожащую нестабильность откликнулся уже Дж. Ньюман в середине XIX в. А столетие спустя К. Ясперс подчеркивал, что идея университета не должна быть явлена «в готовом виде»: «Она должна быть пробуждена косвенным образом».

25 лет спустя в работе Б. Ридингса «Университет в руинах» мы встречаем загадочные фразы. Например, «Обитать на руинах Университета — значит пытаться делать все возможное, одновременно отводя место тому, появление чего мы не можем предугадать». Б. Ридингс предлагает институциональные прагматические формы «непредугаданного», и основной контекст размышлений связан с мышлением, для которого современный университет превращается в препятствие. По мнению Б. Ридингса, превращение это фатально и беспощадно. Мышление должно выработать такие типы новых практик, которые стали бы частью заботы о себе. Греза — это имя одной из таких практик мышления. Обыденная семантика «грез» отсылает нас к специфике взгляда в будущее, «близость» с которым греза предлагает в обмен за ослабление контроля над конъюнктурным настоящим. Но попробуем извлечь грезу из оболочки обманки, представления того, чего нет. Возможно, тогда она окажется усилием по созданию темпорального места-события, в котором пересекаются и встречаются интересы прошлого и будущего. Другими словами, греза — это не будущее, греза — это способ, которым будущее получает власть над настоящим, в котором нам и следует оказаться.

Г. И. Петрова,

профессор философского факультета ТГУ, доктор философских наук, Томск

Подводя итоги обсуждения, организаторы круглого стола, предполагая возможность и необходимость разногласий, поставили в конце грамматически обозначенной темы вопросительный знак. Этот знак можно интерпретировать по-разному. Во-первых, он действительно утверждает возможность разногласий и их легитимность. Во-вторых, в нем есть неуверенность: действительно ли можно противопоставлять названные модели друг другу? В-третьих, напротив, есть уверенность в том, что противопоставление невозможно. Однако не только потому, что классический университет всегда априори есть университет исследовательский, и, конечно, не за то, что «классический» ассоциируется с «устаревший» и «архаичный». Напротив, классика вечна и абсолютна.

Ведущим и общим мнением всех участников круглого стола предстало видение университета (его любой модели) в его гуманитарной миссии. Духовно-гуманитарная аура университета — это его сущностная специфика, отличающая университет от всех прочих образовательных институтов. Ее исчезновение означает, как заявляет современная литература, «смерть университета». Возникает недоумение по поводу того, что с отмечаемой сегодня актуализацией гуманитарных аспектов развития мирового сообщества именно гуманитарной сущности университета меньше всего уделяется внимание. Речь идет не о сокращении гуманитарного образования, а о снижении уровня особого духовного настроя университета, его ауры, всегда вызывающей то состояние души, которое древние греки называли катарсисом. «Смерть университета» — это его трансформация из храма науки, т. е. из места, где наука являет себя в гуманитарном облике, в «место повседневности». Хорошо, если те самые «руины», в которых современный университет находится, готовят его новый облик, который явит собой воплощенный дух. И, конечно, хорошо, что греза университета — это греза об иной современности, не отвергающей категорично университетскую почву. Университет потому и живет уже порядка девяти столетий, являет собой устойчивую и трезво консервативную структуру. Принцип наследования никогда никому не вредил.

Наследуется классичность, черты которой обнаруживаются уже в первых университетах Средневековья. Традиция даже в обществе инноваций остается механизмом социального развития, имеющего своим функциональным назначением удерживать от безостановочности и азартности в беге, корректировать и экспертировать инновационный запал. Инновационность может стать гарантом релевантности современной социальности, если будет оглядываться на классическую традицию.

Материалы подготовлены при содействии А. А. Полонникова, Центр проблем развития образования БГУ;

Г. И. Петровой, факультет философии ТГУ; И. А. Ершовой, факультет психологии ТГУ.

Вышэйшая школа

Навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс № 2, 2015

Даследчы ўніверсітэт
VERSUS універсітэт класічны?

Ацэнка якасці адукацыі:
хто, як, калі і для чаго павінен яе ацэньваць?

Студэнцкая моладзь -
важнейшы рэсурс развіцця Краіны

